

решения. Актуальность философии в целом и философии Мура, в частности, заключается в следующем: она разрабатывает нетривиальные способы мышления, позволяющие решать сложные проблемы, принимать решения в новых ситуациях.

Примечания

¹ Нарский И.С., Коновалова Л.В. Вступительная статья // Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1984. С.21.

² Мур Дж.Э. Достоверность // Язык, истина, существование / Сост. В.А. Суровцев. Томск, 2002. С.62.

³ История философии: Энциклопедия. Минск, 2002. С.106.

⁴ Мур Дж.Э. Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник. М., 1987. С.251.

⁵ Мур Дж.Э. Опровержение идеализма. С.251.

⁶ Там же. С.263.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Цит. по: Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998. С.157.

¹⁰ Мур Дж.Э. Принципы этики. М., 1984. С.234.

¹¹ Мур Дж.Э. Принципы этики. С.234.

¹² Там же.

¹³ Мур Дж.Э. Природа моральной философии. М., 1984. С.334.

¹⁴ Цит. по: Корнфорт М. Марксизм и лингвистическая философия. М., 1968. С.249.

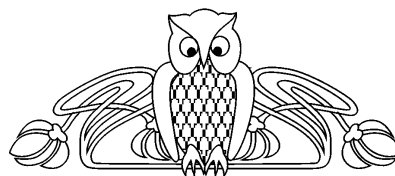
¹⁵ Корнфорт М. Указ. соч. С.252.

УДК 316.344.42

ПРОБЛЕМА ЭЛИТ В КОНЦЕПТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА: ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОДЫ

А.В. Юдин

Саратовский государственный университет
E-mail: yudinav86@list.ru

В статье ставится проблема общества, связанная с деятельностью политических элит. Подвергается осмыслению механизм деятельности политических элит и реализации их функций как субъектов геополитического риска. Анализируя социальную роль элит, автор приходит к выводу, что их деятельность детерминирована поливариативностью сознания и поливалентностью действий в ситуациях неопределенности.

Ключевые слова: политика, геополитика, элита.

The Problem of the Elite in the Concept of Geopolitical Risk: Activity-Ontological and Socio-Cultural Approaches

A.V. Yudin

The proposed article is a major problem for society, connected with the activities of political elites. The article exposed comprehending the mechanism of their activities and realization of their role as agents of geopolitical risk. By analyzing the role of social elites, the author finds that their activities are determined by polivariability of consciousness and polyvalent of their actions in situations of uncertainty.

Key words: politics, geopolitics, elite.

Критическая рефлексия концепта геополитического риска формулирует философию проблем субъективной составляющей в системе геополитической деятельности глобального социума. Целый комплекс тематизаций

геополитического риска приводит к проблеме феномена элит, предполагающей обсуждение онтологических, антрополого-аксиологических и социальных сюжетов, где активность субъективации центрируется вокруг понятия «элитизации»¹. Выяснение вопроса о роли и механизме деятельности элит в развертывании философской концептуализации геополитического риска составляет цель настоящей статьи.

В жизненном пространстве общества представлена сложная картина взаимоотношения разных элит со своими убеждениями и внутренней структурой. В ситуациях геополитического риска в разной степени участвуют все элиты. Принятие решения быть или не быть геополитическому риску принадлежит властвующей политической элите. Политическая элита глобального социума – это внутренне разбалансированная, составляющая меньшинство социальная общность, обладающая необходимым военно-политическим ресурсным потенциалом, выступающая

субъектом подготовки и принятия важнейших геополитических решений; она характеризуется инвариантностью типов пространственного сознания и мышления, норм поведения и разделяемых ценностей. Национальная политическая элита – это внутренне сплоченная, составляющая организованное меньшинство социальная общность, обладающая социально-политическим статусом в системе властных структур и необходимым военно-политическим ресурсом, кроме того, она характеризуется близостью установок, стереотипов и норм поведения, относительным единством разделяемых ценностей.

Политическая элита – активная доминирующая часть в структуре субъекта геополитического риска. На уровне семантики латинское слово «subject» включает в себя «sub» (под, до) и «ject» (акт, акция, действие). И если последнее имеет неразложимое значение, то в слове «sub» выделяются два сопряженных смысла: первый – еще «до» и «вне» действия, что предполагает некий источник, некий ресурс действия; второй сопряжен с этим возможным действием, а значит, в отношении к нему ресурсы должны быть каким-то образом самоорганизованы, предположительно, каким-то потенциалом. Таким образом, политическая элита – это и ресурс, и потенциал, и действие. Думается, что ресурсом выступает сознание политических элит, ибо способность сознания реконструировать жизненное пространство является концептуальным основанием геополитического риска, а ее потенциалом – культурно-исторические универсалии общества, которые наделяют элиту властными полномочиями и силовыми характеристиками. Действие – это деятельность политической элиты в общей системе сложившейся геополитической практики. При развертывании философской концептуализации геополитического риска открывается возможность для выдвижения двух концептов: поливариативности сознания политических элит (ресурс) и их поливалентности (потенциал), а также положения о деятельностных категориях как необходимых онтологических основаниях в производстве и актуализации геополитического риска.

Феномен геополитического сознания властвующих элит делает само сознание «нагруженным» и многовекторным. Концепт поливариативности складывается из единства и одновременной разобщенности разных типов сознания. В геополитическом риске актуализацию получают имперское, националистическое, мифологическое, мессианское типы сознаний. Политические элиты, носители геополитического сознания, центрируются в структуре сознания на оппозициях: «мы» (свое пространство) и «они» (чужое пространство). Носители националистического типа сознания оправдывают ограничение или ликвидацию прав и свобод индивидов, принадлежащих к «чужим» нациям, в отличие от своих, которые наделяются особыми правами.

Для мифологического сознания характерна предельная самоотдача, жертвенность. В период геополитической активности оно наиболее подвижно, востребовано и дифференцировано, индивидуально по происхождению, исходит от того или иного лица (лидера государства). Мифологическое сознание воздействует на ментальные структуры геополитического риска, формируя его специфическую субъектность и управляя геополитическим поведением. Миф глубоко укореняется в структурах сознания элит в качестве эффективного иррационального средства для решения рациональных пространственных проблем. В. Парето в «Трактате по общей социологии» рассматривает миф как результат добросовестного заблуждения, как инструмент обмана, с помощью которого элиты осуществляют свое господство. Проблема мифологического сознания элит состоит еще и в том, что утрачивается способность критической оценки собственного содержания и выработки новых идей для обеспечения выхода из ситуации геополитического риска. Сочетание национального сознания с пространственным составляет сложную проблему, так как первое по природе своей относится к ценностям консервативной элиты, а второе является динамическим, способным к реконструкции. Избежать опасного единовластия одного из них можно лишь при взаимопроникновении. Сохраняя собствен-

ную идентичность, каждое встраивает в свою структуру элемент противостоящей стороны в качестве внутреннего ограничителя. Это ставит оба типа сознания в определенные рамки, где предусматривается минимальный внутренний самоконтроль. В ситуациях геополитического риска этот самоконтроль перестает функционировать. Имперско-экспансионистский тип сознания – обостренные националистические, мифологические, мессианские сознания вкупе, беспредельная радикализация «пространственного инстинкта и чувства» (Хаусхофер). Поливариативность приводит к кризису рационального сознания – неспособности действовать рационально и адекватно требованиям жизни, что порождает пространственную неопределенность.

В плане организации геополитический риск основан на доминировании силы власти, опирающейся преимущественно на военное, а в современную эпоху – на интеллектуальное, «символическое насилие». Потенциал элит заключается в обладании и управлении «силовым полем» власти. Концепт поливалентности властвующим политическим элит понимается как «схватывание» множественности смыслов силового поля, которым обладают элиты. Конструктивно-смысловое понятие «силовое поле власти» означает концентрацию потенциальных силовых возможностей политических элит, необходимых ей для исполнения своих функциональных обязанностей, и определяется множественными уровнями структурной организации, выражаемыми силой их функциональной значимости, социального статуса, интеллектуального превосходства, силой институциональных выражений и антропогенного духа. Значимость элит представлена исполнением их функций, монополизацией власти, управлением сферами жизни общества, осуществлением властного контроля над жизненным пространством и природными ресурсами.

Высокий социальный статус политических элит состоит в том, что приобретение чужого жизненного пространства, овладение им, распоряжение и пользование фактически становится их частной собственностью. Приобретенное пространство не обобществляется и не социализируется. Только политиче-

ские элиты принимают решения по присвоению или отчуждению пространства, присваивая себе функции права владения, что повышает их статус в качестве «распорядителя» пространства, придавая силовые полномочия. Обретение, удержание политическими элитами силового поля легитимизирует право на распоряжение им, а также применение и использование силовых методов и доводов в решении пространственных проблем. Это поле становится для них инструментом и средством в конструировании ситуации геополитического риска. Институциональный уровень – это те силовые основы, которые предполагают адаптацию к организованным международным нормам, ролевым правилам, ограничивающим рискоспособность проявления геополитической деятельности. Многоуровневая валентность составляет содержание силового поля, что легитимизирует силовую составляющую властной элиты.

В современную эпоху институциональный уровень решения пространственных проблем перестает играть решающую роль в действиях и поведении элит. Они, исходя из своих ценностных ориентаций, типа мышления и формы сознания, «нащупывают» точки пересечения пространственных проблем, действуют конъюнктурно, сообразуясь с собственными интересами. А. Кожев вводит понятие «антропогенный риск», определяя его как «осознанную волю и действующее сознание, явленное как желание признания»². На практике антропогенная сила складывается из желаний, воли, запросов и потребностей политических элит, что конституирует антропогенную силу в качестве доминирующей во внутренней структуре силового поля власти. Антропогенная сила берет верх над институциональной и рациональной силами.

Власть на всем протяжении пространственных преобразований проявляла полную неготовность и неспособность к самоограничению. Более того, она вообще не позволяла обществу самому думать об общественных делах, в том числе и пространственных проблемах. По мнению А. Панарина, элита современности «мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связавшая

свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход этого народа стремится попасть»³. Политические элиты, «пристраиваясь» к существующей геополитической деятельности, сами активно создают и преобразуют ее, пренебрегая мнением национального сообщества.

Развертывание «субъективного» в концепте геополитического риска можно осуществить в методологическом ключе теории деятельности. Деятельность элит – это производство геополитических идей и стратегий, где предполагается свободное целеполагание (социокультурный аспект); это процесс преодоления трудностей в поиске способов решения пространственных проблем (социо-геополитический аспект); это всеобщая геополитическая практика (культурно-историческая развертка). Проблема политических элит конституируется и раскрывается через категории «деятельность», «действие», «действие», где они выступают не в качестве мыслительных абстракций, а в качестве фактов бытия элиты, с мотивами, используемыми средствами и технологиями, эмоциями, ценностными ориентациями, волей и свободой.

Процесс пространственного реформирования включает в себя проблематизацию (необходимость расширения жизненного пространства); инверсию (желание поменять пространственную конфигурацию); преобразование содержания геополитического опыта (изменить его объем за счет включения дополнительных форм геополитических действий). Геополитическое присвоение или отчуждение обеспечивает преемственность в геополитическом развитии культурного целого, что интерпретируется как воспроизводящая межпоколенная связь. В этом содержится источник развития геополитической деятельности, которая, в конечном итоге, приобретает черты саморазвития. Политическая элита является тем, кто осуществляет особые действия по развитию целостных систем, направленные, прежде всего, на расширенное воспроизводство ее смысловой основы; она поддерживает пространство-строительство в форме постоянной целостной структуры, не допуская разрывов в дви-

жении. Условно говоря, элиты – это та инстанция в концепте геополитического риска, на уровне которой происходит переход из режима развития в режим его саморазвития. Различные формы такого перехода следует искать в генетических, культурологических кодах. Таким кодом может являться категория «память прошлого». Элиты апеллируют к памяти прошлого и как к знаку, и как к возможному инструменту для конструирования ситуации геополитического риска. Но субъект геополитической деятельности не довольствуется только стереотипами поведенческой практики, он ищет новые формы, более продвинутые и изощренные (типичный пример инверсионного действия – переход от военных действий к «холодной» войне). Создание такой инверсии требует от политических элит не меньшей силы воображения и влияния, чем традиционные средства для удержания и сохранения власти. Поскольку носитель традиционного геополитического действия является субъектом, инициирующим геополитический риск, такая инверсия изначально имеет для субъекта, принимающего риск, коммуникативный смысл. Попытка перейти эту грань сопровождается манипулированием общественным сознанием, это по своей сути скрытый инверсионный риск.

В рамках антропологической парадигмы смысл деятельности элит сводится к их способности к осознанному пространственному преобразованию. Не только способность сознания конструировать пространственный мир, но и благодаря деятельности преобразовывать его, выступают концептуальными основаниями геополитического риска, открывающими возможность последнему актуализироваться в разных видах и формах пространственной деятельности. И пальма первенства в этих способностях принадлежит элитам, но они живут в системе реально-практических социальных связей с обществом и другими элитами. Отношения национальных элит представляют собой способ геополитической деятельности, аккумулятивной конкретными субъектами геополитики и реализуемой ими. Поэтому геополитическая деятельность захватывает политические элиты, осуществляя свою собственную,

они сталкиваются с уже сложившейся вокруг нее и рядом с ней геополитической деятельностью других национальных элит и противопоставляют себя последней. Поэтому деятельность элиты есть социально-онтологическая категория геополитической реальности, а не частная форма ее активности.

Настоящая деятельность национальных элит разворачивается в существующем жизненном пространстве и подчиняется неким объективным условиям. Эти базовые характеристики задают простую всеобщую формулу геополитической практики: национальная элита государства, иницирующего риск, – деятельность, действие – национальная элита государства, принимающего риск. Эта формула хотя и очевидна, но далеко не однозначна в своем содержании, состав и строение которого необходимо выявить.

Поскольку геополитический риск – это, в первую очередь, деятельность, предполагается, что она всегда есть. Более того, между ней и политическими элитами субъектов риска существуют специфические отношения. С одной стороны, элиты государства, иницирующего риск, могут к ней «прикрепиться» в качестве какого-либо элемента и встретиться с противостоящими ей элитами государства, принимающего риск; с другой стороны, собственное строение элиты государства, иницирующего риск, таково, что позволяет ей быть обладателем и полновластным распорядителем геополитической деятельности и с ее помощью строить и преобразовывать элиты государства, принимающего риск. Важным в данном анализе будет обращение к существующим теориям деятельности А. Леонтьева (психологической) и Г. Щедровицкого (методологической). В первой элита государства – инициатора риска оказывается полностью растворенной в общественных потребностях и собственных мотивах, а государства, принимающего риск, – живет в представлениях о цели и условиях геополитической реальности. В другой – элита иницирующего государства за-

местилась целями и задачами производства и наращивания геополитической деятельности, где собственное государство и нация становятся для нее одним из условий производства ситуаций геополитического риска, а элиты принимающего государства – ее материалами и продуктами. Эти теории выявляют и понятийно оформляют наиболее важные деятельностные категории, необходимые и активно используемые элитами в ситуации геополитического риска: способ, средство, цели, задачи, мотивы, условия. С другой стороны, выявленные в философско-методологическом и психологическом ключе деятельностные категории концепции оказываются некими монтажными блоками, из которых выстраиваются различные конструкты деятельного бытия политических элит – субъектов геополитического риска – для разных социально-прагматических целей.

В заключение можно сделать следующий вывод: в системе развертывания философской концептуализации геополитического риска роль политических элит, механизм их деятельности доктринируются через утверждение концептов поливариативности сознания элит и поливалентности их действия в ситуациях неопределенности; определяются системой взаимодействия национальных элит – участников геополитического риска – и их деятельностными категориями, активно используемыми в конструировании ситуаций такого риска.

Примечания

¹ Классическая система взглядов теории элит была разработана в начале XX в. итальянскими мыслителями Г. Моска, В. Парето и немецким социологом Р. Михельсом. Во второй половине XX в. сформировались современные концепции элитизма, концентрируясь в несколько подходов: макиавеллистский (Дж. Бернхэм), ценностный (Ортега-и-Гассет, Н. Бердяев), структурно-функциональный (Г. Лассуэл, С. Липсет), либеральный (Й. Шумпетер и Ч. Миллс).

² Кожев А. Источник права: антропогенное желание как итог идеи Справедливости // *Вопр. филос.* 2002. №12. С.162.

³ Панарин А. Народ без элиты. М., 2006. С.175.